

§10 ИСТОРИЯ ПРАВА

Карпов В. А.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В САМОДЕРЖАВНОЙ РОССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация. Объектом исследования являются государственные преобразования, осуществленные в самодержавной России в начале XX века, при этом оценивается влияние на них западной концепции правового государства. Автор подробно рассматривает внутренние, сущностные признаки правового государства как единство четырех критериальных комплексов: идеологического критериального комплекса (ключевое место принципа верховенства права в государственной идеологии), формального критериального комплекса (наличие развитого законодательства, закрепляющего широкий спектр прав и свобод человека и гражданина), практического критериального комплекса (реальное исполнение законодательства и обеспечение прав и свобод эффективными гарантиями практической реализации), (высокий уровень правосознания в обществе, широкая поддержка принципа правового государства населением). Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания действительности, совокупность общенаучных (логического, исторического, восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении и т.д.) и частнонаучных методов познания (сравнительного правоведения, системно-структурного анализа, толкования закона и других). Научная новизна проведенного исследования заключается в разработке системы критериальных комплексов: идеологического критериального комплекса, формального критериального комплекса, практического критериального комплекса, психологического критериального комплекса для оценки сущностных признаков правового государства. В статье дается оценка предреволюционной России на предмет соответствия идее правовой государственности с использованием разработанной системы критериальных комплексов.

Ключевые слова: правовая государственность, дореволюционная Россия, конституционализм, правление Николая II, Манифест, усовершенствование государственного порядка, критериальные комплексы, идеология, формализм, признаки.

Review. The object of the research are the state transformations conducted in the Russian Empire in the beginning of XX century. In this respect the influence of the Western concept of the rule-of-law state has been evaluated. The author thoroughly examines internal essential characteristics of the rule-of-law state as the unity of four criterial complexes:

ideological criterial complex (key significance of the rule of law principle in the state ideology), formal criterial complex (advanced legislation that consolidates a wide range of human rights and freedoms), practical criterial complex (real legislative execution and provision of rights and freedoms by effective guarantees of practical implementation), psychological criterial complex (high level of legal consciousness in the society, broad support of the rule of law principle among the population). Methodologically the research is based on the dialectic ontological method, complex of general (logical, historical, ascension from abstract to concrete thinking, etc.) and particular scientific methods (comparative legal studies, system structural analysis, explanation of laws, etc.). Scientific novelty of the study lies in the elaboration of a system of criterial complexes: ideological criterial complex, formal criterial complex, practical criterial complex, and psychological criterial complex for the evaluation of essential characteristics of a rule of law state. The article evaluates pre-revolutionary Russia with regard to its correspondence to the idea of the rule of law state using the elaborated system of criterial complexes.

Keywords: rule-of-law state, pre-revolutionary Russia, constitutionalism, rule of Nicholas II, Manifesto, improvement of state order, criterial complexes, ideology, formalism, characteristics.

На протяжении всего XIX века государственно-правовое развитие Российской империи проходило под знаком несомненного влияния идей классической концепции правового государства. Притяжение личности Наполеона Бонапарта, усилившее влияние идей французского Просвещения при дворе российского Императора, более тесное знакомство с заграничными веяниями в период зарубежных походов российской армии по итогам Отечественной войны 1812 г., наконец, либеральные склонности самого Императора Александра I создавали благоприятную почву для восприятия множества политико-правовых идей и концепций зарубежной политико-правовой теории. Как следствие, XIX век начался с восторженно-почитания и даже преклонения перед иностранными идеями и на всем своем протяжении сохранял тенденцию ошутимого влияния данных идей на политическое, правовое, общественное развитие Российской империи.

Данная тенденция определяла многие реформы и трансформации в государственно-правовой сфере наряду с иной, противоположной тенденцией, родившейся в ответ и в противовес ей. Это была консервативно-охранительная тенденция, настроенная на поиск собственных правовых корней и воплощение в практике государственного строительства национальных правовых моделей. Данная тенденция частично также формировалась под влиянием зарубежных идей — прежде всего, немецкой исторической школы права, в рамках которой подчеркивалось значение национального исторического духа, народных обычаев и традиций. Однако можно сказать, что российский консерватизм использовал данные идеи как инструмент и дополнительный аргумент в борьбе за влияние на умы современников, не более. В рамках данной тенденции отечественные правоведы особо подчеркивали исторический характер российского самодержавия, в силу кото-

рого он не нуждается в ограничении, в том числе конституцией или пришедшим с Запада принципом верховенства права. Например, в трудах П. Е. Казанского и Н. А. Захарова были сформулированы следующие нравственно-правовые черты русского самодержавия: верховенство власти самодержца, означающее господство самодержавия над другими видами власти; неограниченность власти монарха юридическими нормами, но связанность царя народным мировоззрением, совестью монарха и Божьей волей (самоограничение самодержавия); уравновешивающий характер самодержавной власти, выражающийся в беспристрастности власти монарха и обеспечении мира в социальных конфликтах; самодержавная власть — власть последнего решения, окончательного и не подконтрольного другим органам и властям; власть самодержца проистекает из доверия, психологии и верований русского народа; власть самодержца способна проявить свою силу в экстраординарных условиях, а потому ее пределы юридически не очерчены; между царем и народом сложились патриархальные, отеческо-сыновние отношения; самодержец способен на решения на основе совести, минуя мертвую букву закона; власть самодержавного правителя — подвиг, жертва, тяжкая ноша служения ради Бога и народа; органичность самодержавия, естественный, историко-психологический характер формирования царской власти, которая не поддается развитию по рациональным схемам. ^{[1, с. 42–46].}

Тем самым, как видится, концепции правовой государственности противопоставлялась концепция нравственной государственности. В качестве альтернативы принципу внешнего правового ограничения власти западного монарха выдвигался принцип нравственного самоограничения русского монарха.

Настороженное и даже открыто негативное отношение к западным политико-правовым идеям,

в том числе идее конституционализма и правового государства, очень точно выразил обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, которому принадлежали следующие слова: «слышу отовсюду одно натверженное и проклятое слово: «конституция». Боюсь, что это слово уже высоко проникло и уже пускает корни... Повсюду в народе зреет такая мысль: лучше уж революция, русская и безобразная смута, нежели конституция. Первую еще можно побороть вскоре и водворить порядок на земле; последняя есть яд для всего организма, разъедающий его постепенно ложью...» [2, с. 435]. И не следует забывать, что верным учеником и почитателем К. П. Победоносцева был не кто иной, как Император Александр III.

Новый виток государственно-правовых изменений, совершенных под влиянием западных политико-правовых идей и концепции правовой государственности, связан с правлением последнего российского самодержца, Николая II. В его правление вновь сместился баланс между национальными правовыми идеями и иностранными заимствованиями. В связи с этим интересен вывод современных исследователей о том, что «идея создания механизмов ограничения власти монарха не является доминирующей в идеологическом и историко-политическом пространстве России. ... Вопрос институционального ограничения власти монарха на повестку дня политической жизни России конца XIX — начала XX века был, прежде всего, привнесен извне вместе с западными политическими теориями и, в меньшей степени, вызван внутренними политическими или идейными причинами» [3, с. 199].

Западная концепция правовой государственности, проистекающая из идеи ограничения государства правом, в российском национальном менталитете уступала концепции ограничения государства морально-нравственными нормами. Эту идею очень точно выразили дореволюционные российские ученые П. Е. Казанский и Н. А. Захаров, которые отмечали, что акты 1905 года о введении ряда свобод и созыве Государственной Думы ни в коей степени не ограничили власти царя. Государственная Дума стала лишь совещательным органом при царе, за которым сохранялось последнее решение по любому проекту закона. Более того, власть Императора не определяется законом, а держится на нравственном авторитете и совести монарха и вере народа. Даже если о самодержавии не было бы и строчки в законодательстве, тем не менее оно было бы живо и работало исключительно благодаря вере народа. Вся сила самодержавия проистекает из народного воззрения. Поэтому не законом она создается

и ограничивается, а исключительно доверием народа [1, с. 42–46].

Масштабность государственных преобразований, проведенных в правление Николая II, позволила некоторым исследователям обосновать тезис о принятии первой российской Конституции в 1905 году как исходном пункте конституционного развития в нашей стране [4, с. 433]. Принятие в августе 1905 г. актов об «Учреждении Государственной Думы» и «Положения о выборах в Государственную Думу», а также Манифеста об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. навсегда изменило лицо российского самодержавия, ознаменовало собой конституционное ограничение самодержавной власти, новый шаг на пути установления в России правовой государственности.

Не случайно в указанном выше Манифесте появились следующие строки: «1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов; ... 3) Установить, как незыблемое правило, что никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей» [5, с. 257].

Также необходимо особо отметить принятие 23 апреля 1906 г. Свода основных государственных законов, который можно с достаточной степенью уверенности назвать российской конституцией, поскольку он достаточно полно и подробно регламентировал систему органов власти Российской империи и их взаимоотношения между собой. Более того, в данном документе исследователи отмечают и проведение некоторых идей правовой государственности. Например, Ю. В. Пуздряч считает: «отдельные положения Основных законов говорят о том, что Россия восприняла и декларировала некоторые идеи правового государства. Например: «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке» (п. 84), «Сила закона равно обязательна для всех без изъятия российских подданных и иностранцев» (п. 85), «Каждый закон имеет силу только на будущее время» (п. 89), «Законы обнародуются во всеобщее сведение Правительствующим Сенатом в установленном порядке и прежде обнародования в действие не производятся» (п. 91)» [4, с. 457].

В то же время современники и представители последующих поколений исследователей расходились в оценке исторического значения указанных

реформ в истории российской государственности. В частности, Н. А. Омельченко делает следующие выводы «Большинство дореволюционных авторов сходилось во мнении, что Манифестом были заложены основы конституционного строя в России и что власть русского императора перестала быть абсолютной после того, как она разделил ее с Думой. Сам автор реформы С. Ю. Витте полагал, что Манифест 17 октября окончательно и бесповоротно вводит Россию на путь конституционализма. ... В советской историографии преобладала точка зрения, отрицавшая какие-либо изменения в характере политического строя России после реформ начала XX в. С этих позиций установившийся после революции 1905–1907 гг. общественный строй характеризовался как «буржуазная монархия» или в крайнем случае как «конституционное самодержавие» [6, с. 288].

Таким образом, концепция правового государства на исходе существования российского самодержавия прочно вошла в тезаурус государственно-правовой доктрины и была частично реализована на практике.

В завершение попробуем ответить на главный вопрос — можно ли говорить о возникновении правовой государственности уже в дореволюционный период развития российского государства?

Современные ученые делают следующие выводы о причинах и предпосылках перехода западных стран к правовому государству: «Переход от гражданского государства к правовому был обусловлен отсутствием конституционных гарантий естественных прав членов гражданского общества и наличием сословных барьеров для буржуазии, устремленной к политической власти. Осуществленный впервые в западных странах в XVIII в. переход к правовому государству происходил в результате либерального революционного движения и сопровождался конституционным нормированием государственной власти, произвол которой раньше ограничивался лишь неэффективными бюрократическими средствами. В конституционном правовом государстве обеспечение либеральных прав человека ограничивается их защитой. Возникновение в XIX в. демократического правового государства было результатом либерально-демократического движения против буржуазной политики ограничения избирательного права и лессеферизма. В демократическом правовом государстве полномочия народа реализуется в системе либерального конституционализма, гарантирующего равенство политических прав и свобод граждан и соблюдение принципа разделения властей» [7, с. 17–18].

Таким образом, зачастую в современной правовой литературе момент перехода к правовому государству определяют не по сути, а по внешнему оформлению, рассматривая в качестве признака правового государства, например, введение принципа разделения властей или наличие писаной конституции. С этой точки зрения правовой государственности в чистом виде в дореволюционной России еще не было.

Однако мы считаем первостепенными не внешние, а внутренние, сущностные признаки правового государства как единство четырех критериальных комплексов: идеологического критериального комплекса (ключевое место принципа верховенства права в государственной идеологии), формального критериального комплекса (наличие развитого законодательства, закрепляющего широкий спектр прав и свобод человека и гражданина), практического критериального комплекса (реальное исполнение законодательства и обеспечение прав и свобод эффективными гарантиями практической реализации), психологического критериального комплекса (высокий уровень правосознания в обществе, широкая поддержка принципа правового государства населением).

Как видится, не все из данных комплексов имелись в наличии в России в рассматриваемый период, однако после реформ Александра II государство сделало большой шаг к их достижению.

В частности, полагаем, государственная идеология отчасти вмещала принцип верховенства права, который в силу нечеткого разграничения категорий права и закона понимался, прежде всего, как верховенство закона.

Второй и третий критериальные комплексы в целом можно отметить как соблюденные, поскольку состояние прав и свобод человека и гражданина в том или ином государстве, по нашему глубокому убеждению, необходимо оценивать не с современных позиций, а согласно общемировому уровню для данного исторического периода, с учетом реалий того времени. А для рассматриваемой эпохи состояние прав и свобод человека в Российской империи было довольно высоким, особенно после изменений начала XX века, которые ввели новые политические права и свободы. Становление парламентаризма и введение избирательного права для определенной части населения, наличие слабых социальных перегородок, что создавало широкие возможности для достижения высоких ступеней на социальной лестнице для выходцев из любого сословия, деятельность земств и иных государственных и общественных органов в сфере

общественного призрения, народного образования и просвещения, высокий уровень культуры и науки, к которому имелся доступ у простого населения, несмотря на некоторые ограничения, начало широкого движения за обеспечение прав рабочих и улучшение условий их труда в конце XIX — начале XX в. — все это свидетельствовало, на наш взгляд, о довольно широком спектре прав и свобод человека в Российской империи, от политических до социальных и культурных.

Как видится, наиболее проблемным для России рассматриваемого периода был четвертый критериальный комплекс. Поскольку образованием, а тем более высшим образованием, была охвачена далеко не большая часть населения дореволюционной России, говорить о широком распространении и поддержке идей правовой государственности в народе не приходится. Данная концепция оставалась уделом привилегированного меньшинства, элитарной теорией лиц, прошедших университетскую школу. В народе по-прежнему господствовали внеправовые концепции правды и справедливости, которые, хотя и составляют отчасти фундамент правосознания,

все же не могут быть в полной мере к нему приравнены. Чтобы обладать высоким уровнем правосознания, необходимы три основные составляющие: знания о праве, умение применять данные знания (например, для самозащиты своих прав) и высокий уровень уважения к праву. Ни то, ни другое, ни третье не возможны без широкого правового просвещения населения или, по крайней мере, без внедрения общенародной системы образования.

Тем не менее, полагаем, полный переход Российской империи к правовому государству была лишь вопросом времени и стал бы свершившимся фактом в случае, если бы у государства были еще несколько десятков лет стабильного поступательного развития в сторону правовой государственности. Однако история, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Данный процесс был насильственно прерван революционными событиями 1917 года. Дальнейший путь России к правовому государству, неровный и прерывистый, необходимо оценивать отдельно, применительно к реалиям совершенно новой эпохи, задавшей новые, современные стандарты правовой государственности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Васильев А. А. Этико-правовая концепция русской государственности П. Е. Казанского и Н. А. Захарова // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 7.
2. Письма Победоносцева Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 249. Цит. по: Пуздрач Ю. В. История российского конституционализма. IX — XX веков. СПб, 2004.
3. Соснин С. А. Сущность государственной власти в государствоведческой концепции российского консерватизма конца XIX-первой половины XX вв. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 5. С. 199.
4. Пуздрач Ю. В. История российского конституционализма. IX — XX веков. СПб, 2004. С. 433.
5. Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю. П. Титов. 2-е изд. М., 2005.
6. Омельченко Н. А. История государственного управления в России. М., 2011.
7. Любашниц В. Я. Эволюция государства как политико-правового института: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vasil'ev A. A. Etiko-pravovaya kontseptsiya russkoi gosudarstvennosti P. E. Kazanskogo i N. A. Zakharova // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2012. № 7.
2. Pis'ma Pobedonostseva Aleksandru III. M., 1925. T. 1. S. 249. Tsit. po: Puzdrach Yu.V. Istoriya rossiiskogo konstitutsionalizma. IX — XX vekov. SPb, 2004.
3. Sosnin S. A. Sushchnost' gosudarstvennoi vlasti v gosudarstvedcheskoi kontseptsii rossiiskogo konservatizma kontsa XIX-pervoi poloviny XX vv. // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. 2012. № 5. S. 199.
4. Puzdrach Yu.V. Istoriya rossiiskogo konstitutsionalizma. IX — XX vekov. SPb, 2004. S. 433.
5. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii / sost. Yu.P. Titov. 2-e izd. M., 2005.
6. Omel'chenko N. A. Istoriya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii. M., 2011.
7. Lyubashits V. Ya. Evolyutsiya gosudarstva kak politiko-pravovogo instituta: Avtoref. diss. ...dokt. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2005.